

Кар

Карл Маркс

Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17158223

Аннотация

«Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» – работа немецкого правоведа Карла Маркса (нем. Karl Marx, 1818-1883). *** Это анализ причин революционной деятельности Франции, где Маркс применяет материалистическое понимание истории как инструмент исследования борьбы классов. Карл Маркс – участник революции во Франции и Германии и известный политический экономист, чьим главным трудом стал «Капитал».

Содержание

I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Карл Маркс

КЛАССОВАЯ БОРЬБА ВО ФРАНЦИИ С 1848 ПО 1850 Г.¹

I ИЮньское поражение 1848 г.

После июльской революции либеральный банкир Лаффит, провожая своего *сотреге*,² герцога Орлеанского, в его триумфальном шествии к ратуше, обронил фразу: «*Отныне господствовать будут банкиры*». Лаффит выдал тайну революции.

При Луи-Филиппе господствовала не французская буржуазия, а лишь *одна* ее *фракция*: банкиры, биржевые и железнодорожные короли, владельцы угольных копей, железных рудников и лесов, связанная с ними часть земельных собственников – так называемая *финансовая аристократия*. Она сидела на троне, она диктовала в палатах законы, она раздавала государственные доходные места, начиная с министерских постов и кончая казенными табачными лавками.

Собственно *промышленная буржуазия* составляла часть официальной оппозиции, т. е. была представлена в палатах лишь в виде меньшинства. Ее оппозиция становилась тем решительнее, чем более чистую форму принимало в своем развитии самодержавие финансовой аристократии и чем более сама она воображала, что после подавленных в крови восстаний 1832, 1834 и 1839 гг.³ ее господство над рабочим классом упрочено. Руанский фабрикант *Гранден*, наиболее яркий фанатик буржуазной реакции как в Учредительном, так и в Законодательном национальных собраниях, был в палате депутатов самым горячим противником Гизо. *Леон Фоше*, впоследствии прославившийся своими бессильными потугами подняться до роли Гизо французской контрреволюции, вел в конце царствования Луи-Филиппа чернильную войну в защиту промышленности против спекуляции и ее прислужника – правительства. *Бастия* агитировал против господствующей системы от имени Бордо и всех французских виноделов.

Мелкая буржуазия, все ее слои, а также *крестьянство* были совершенно устранены от участия в политической власти. Наконец, в рядах официальной оппозиции или совсем вне *parus legal*⁴ стояли *идеологические* представители и защитники упомянутых классов, их ученые, адвокаты, врачи и т. д. – короче, их так называемые «*таланты*».

Финансовая нужда с самого начала поставила Июльскую монархию в зависимость от верхушки буржуазии, а ее зависимость от верхушки буржуазии, в свою очередь, стала неисчерпаемым источником все растущей финансовой нужды. Нельзя подчинить государствен-

² Игра слов: «сотреге» – «кум», а также «соучастник в интриге». Ред.

³ Восстание в Париже 5–6 июня 1832 г. было подготовлено левым крылом республиканской партии, тайными революционными обществами, в том числе Обществом друзей народа; поводом к восстанию послужили похороны генерала Ламарка, находившегося в оппозиции к правительству Луи-Филиппа. Принимавшие участие в восстании рабочие соорудили ряд баррикад и защищались с большим мужеством и стойкостью. // Восстание рабочих в Лионе в апреле 1834 г., проведенное под руководством тайного республиканского Общества прав человека и гражданина, относится к числу первых массовых выступлений французского пролетариата. Восстание, поддержанное республиканцами в ряде других городов, особенно в Париже, было жестоко подавлено. // Восстание 12 мая 1839 г. в Париже, в котором главную роль также играли революционные рабочие, было подготовлено тайным республиканско-социалистическим Обществом времен года, под руководством О. Бланки и А. Барбеса; оно было разгромлено войсками и национальной гвардией.

⁴ круга лиц, пользовавшихся избирательным правом. Ред.

ное управление интересам национального производства, пока не восстановлено равновесие в бюджете, равновесие между государственными расходами и доходами. А как восстановить это равновесие, не сокращая государственных расходов, т. е. не нарушая интересов столпов господствующего режима, и не изменяя налоговой системы, т. е. не возлагая значительной части налогового бремени на верхушку буржуазии?

Больше того, *задолженность государства* была в *прямых интересах* той фракции буржуазии, которая господствовала и законодательствовала через палаты. *Государственный дефицит* как раз и был предметом ее спекуляции и важнейшим источником ее обогащения. По истечении каждого года – новый дефицит. Через каждые четыре или пять лет ~ новый заем. А каждый новый заем давал финансовой аристократии новый удобный случай обирать государство, искусственно поддерживаемое на грани банкротства, – оно должно было заключать займы у банкиров на самых невыгодных условиях. Кроме того каждый новый заем давал лишний случай грабить публику помещавшую свои капиталы в государственные процентные бумаги, посредством биржевых операций, в тайну которых были посвящены правительство и парламентское большинство. Вообще, неустойчивое положение государственного кредита и обладание государственными тайнами давало банкирам и их сообщникам в палатах и на троне возможность вызывать внезапные, чрезвычайные колебания в курсе государственных бумаг, которые каждый раз неизбежно влекли за собой разорение множества менее крупных капиталистов и баснословно быстрое обогащение крупных биржевиков. Тем, что государственный дефицит был в прямых интересах господствующей фракции буржуазии, объясняется, почему *чрезвычайные* государственные расходы в последние годы царствования Луи-Филиппа более чем вдвое превысили чрезвычайные государственные расходы при Наполеоне; они поглощали ежегодно около 400 миллионов франков, тогда как весь вывоз Франции в среднем редко достигал 750 миллионов франков в год. Огромные суммы, проходившие, таким образом, через руки государства, создавали, кроме того, возможность мошеннических подрядов, подкупов, хищений и плутней всякого рода. Обкрадывание государства, происходившее при займах оптом, при казенных подрядах повторялось в розницу. То, что имело место в отношениях между палатой и правительством, многократно воспроизводилось в отношениях между отдельными ведомствами и отдельными предпринимателями.

Подобно тому как господствующий класс использовал государственные расходы вообще и государственные займы, он использовал и *строительство железных дорог*. Палаты возлагали главное бремя издержек на государство, а спекулировавшей финансовой аристократии они обеспечивали золотые плоды. Всем памятны скандалы в палате депутатов, когда случайно обнаружилось, что все депутаты большинства, включая и часть министров, были заинтересованы как акционеры в строительстве тех самых железных дорог, которые они потом в качестве законодателей заставляли производить на государственный счет.

Напротив, малейшая финансовая реформа разбивалась о противодействие банкиров. Так, например, *почтовая реформа*. Ротшильд запротестовал. Разве смело государство сокращать те источники дохода, из которых должны были уплачиваться проценты по его все растущему долгу?

Июльская монархия была не чем иным, как акционерной компанией для эксплуатации французского национального богатства; дивиденды ее распределялись между министрами, палатами, 240000 избирателей и их прихвостнями. Луи-Филипп был директором этой компании – Робером Макером⁵ на троне. Эта система представляла собой постоянную

⁵ Робер Макер – тип ловкого дельца-пройдохи, созданный знаменитым французским актером Фредериком Леметром и увековеченный в карикатурах Оноре Домье. Образ Робера Макера являлся сатирой на господство финансовой аристократии в период Июльской монархии.

угрозу, постоянный ущерб для торговли, промышленности, земледелия, судоходства, для интересов промышленной буржуазии, которая в июльские дни написала на своем знамени *gouvernement a bon marche* – дешевое правительство.

Так как финансовая аристократия издавала законы, управляла государством, распоряжалась всей организованной общественной властью, самим фактом своего господства и посредством печати подчиняла себе общественное мнение, то во всех сферах, начиная от королевского двора и кончая *safe borgne*,⁶ дарили та же проституция, тот же бесстыдный обман, та же страсть к обогащению не путем производства, а путем ловкого прикармливания уже имеющегося чужого богатства. Именно в верхах буржуазного общества нездоровые и порочные вожеления проявились в той необузданной – на каждом шагу приходящей в столкновение даже с буржуазными законами – форме, в которой порожденное спекуляцией богатство ищет себе удовлетворения сообразно своей природе, так что наслаждение становится распутством, а деньги, грязь и кровь сливаются в один поток. Финансовая аристократия как по способу своего обогащения, так и по характеру своих наслаждений есть не что иное, как *возрождение люмпен-пролетариата на верхах буржуазного общества*.

Не участвовавшие во власти фракции французской буржуазии кричали: «*Коррупция!*» Народ кричал: «*A bas les grands voleurs! A bas les assassins!*»,⁷ когда в 1847 г. на самых высоких подмостках буржуазного общества публично разыгрывались те самые сцены, которые обыкновенно приводят люмпен-пролетариат в притоны разврата, в богадельни и в дома для умалишенных, на скамью подсудимых, на каторгу и на эшафот. Промышленная буржуазия увидела угрозу своим интересам, мелкая буржуазия была полна нравственного негодования, воображение народа было возмущено. Париж был наводнен памфлетами: «*La dynastie Rothschild*»,⁸ «*Les juifs rois de l'epoque*»⁹ и т. д., которые с большим или меньшим остроумием разоблачали и клеймили господство финансовой аристократии.

Rien pour la gloire!¹⁰ Слава не приносит никакой прибыли! *La paix partout et tou-jours!*¹¹ Война понижает курс трех- и четырехпроцентных бумаг! – вот что написала на своем знамени Франция биржевых дельцов. Ее внешняя политика свелась поэтому к ряду оскорблений, нанесенных национальному чувству французов. Особенно сильно было оно возмущено присоединением Кракова к Австрии, которое завершило разграбление Польши, и тем, что Гизо активно стал на сторону Священного союза в швейцарской войне Зондербунда.¹² Победа швейцарских либералов в этой малой войне подняла чувство собственного достоинства буржуазной оппозиции во Франции, а кровавое народное восстание в Палермо действовало на парализованную народную массу, как электрический ток, и пробудило ее великие революционные воспоминания и страсти.¹³

⁶ притонами низшего разряда. Ред.

⁷ «Долой крупных воров! Долой убийц!» Ред.

⁸ «Династия Ротшильдов». Ред.

⁹ «Ростовщики – короли нашего времени». Ред.

¹⁰ Ни гроша для славы! Ред.

¹¹ Мир во что бы то ни стало! Ред.

¹² *Зондербунд* – сепаратный союз семи экономически отсталых католических швейцарских кантонов, заключенный в 1843 г. с целью сопротивления прогрессивным буржуазным преобразованиям в Швейцарии и защиты привилегий церкви и иезуитов. Реакционные поползновения Зондербунда встретили противодействие со стороны буржуазных радикалов и либералов, получивших в середине 40-х годов перевес в большинстве кантонов и в швейцарском сейме. Постановление швейцарского сейма в июле 1847 г. о роспуске Зондербунда послужило поводом к открытию Зондербундом в начале ноября военных действий против остальных кантонов. 23 ноября 1847 г. армия Зондербунда была разбита войсками федерального правительства. В период войны Зондербунда реакционные западно-европейские державы, входившие ранее в Священный союз, – Австрия и Пруссия, – сделали попытку вмешаться в швейцарские дела в пользу Зондербунда. Гизо фактически стал на позицию поддержки этих держав, взяв под защиту Зондербунд.

¹³ Аннексия Кракова Австрией, с согласия России и Пруссии, 11 ноября 1846 года. – Швейцарская война Зондербунда с 4 по 28 ноября 1847 года. – Восстание в Палермо 12 января 1848 года; в конце января девятидневная бомбардировка города

Наконец, взрыв всеобщего недовольства был ускорен, а ропот вырос в восстание благодаря *двум экономическим событиям мирного значения*.

Картофельная болезнь и неурожай 1846 и 1846 гг. усилили всеобщее брожение в народе. В 1847 г. дороговизна вызвала во Франции, как и на всем континенте, кровавые столкновения. Рядом с бесстыдными оргиями финансовой аристократии – борьба народа за необходимейшие средства к жизни! В Бюзансе казнят участников голодных бунтов,¹⁴ а в Париже королевская семья вырывает из рук суда пресыщенных мошенников!

Вторым крупным экономическим событием, ускорившим взрыв революции, был *всеобщий торговый и промышленный кризис* в Англии. Он был возведен уже осенью 1845 г. массовым банкротством спекулянтов железнодорожными акциями, в 1846 г. его задержал ряд случайных обстоятельств, как, например, предстоявшая отмена хлебных пошлин, осенью 1847 г. он, наконец, разразился в виде банкротств крупных лондонских торговцев колониальными товарами, за которыми немедленно последовали крахи земельных банков и закрытие фабрик в промышленных округах Англии. Еще не успели на континенте сказаться до конца все последствия этого кризиса, как вспыхнула февральская революция.

Экономическая эпидемия, поразившая торговлю и промышленность, сделала еще невыносимее самодержавие финансовой аристократии. Оппозиционная буржуазия подняла во всей Франции *кампанию банкетов* в пользу *избирательной реформы*, которая должна была дать ей большинство в палатах и свергнуть министерство биржи. В Париже промышленный кризис повлек за собой, в частности, еще одно следствие: массу фабрикантов и оптовых торговцев, которые при сложившихся условиях не могли больше вести свои дела на заграничном рынке, он заставил броситься на внутренний рынок. Они основали крупные фирмы, конкуренция которых массами разоряла бакалейщиков и лавочников. Этим объясняются многочисленные банкротства в этой части парижской буржуазии и революционное поведение ее в февральские дни. Известно, что Гизо и палаты ответили на предложения реформ недвусмысленным вызовом, что Луи-Филипп решился назначить министерство Барро, когда было уже слишком поздно, что дело дошло до стычки между народом и армией, что армия была обезоружена пассивным поведением национальной гвардии, а Июльская монархия должна была уступить место временному правительству.

По своему составу *временное правительство*, возникшее на февральских баррикадах, неизбежно являлось отражением различных партий, которые разделили между собой плоды победы. Оно не могло быть не чем иным, как *компромиссом между различными классами*, которые совместными усилиями низвергли Июльскую монархию, но интересы которых были друг другу враждебны. *Значительное большинство* его состояло из представителей буржуазии. Ледрю-Роллен и Флокон были представителями республиканской мелкой буржуазии, республиканская буржуазия была представлена людьми из «National»,¹⁵ династическая оппозиция – Кремье, Дюпон де л'Эром и другими. Рабочий класс имел только двух представителей: Луи Блана и Альбера. Наконец, Ламартин во временном правительстве не был собственно выразителем какого-либо реального интереса, какого-либо определенного класса; он был олицетворением самой февральской революции, всеобщего восстания с его иллюзиями, с его поэзией, с его воображаемым содержанием и с его фразами. Впрочем, по

неаполитанцами. (Примечание Энгельса к изданию 1895 г.)

¹⁴ В Бюзансе (департамент Эндр) весной 1847 г. по инициативе голодающих рабочих, жителей окрестных деревень, было совершено нападение на продовольственные склады, принадлежавшие спекулянтам; это привело к кровавому столкновению населения с войсками. События в Бюзансе вызвали жестокие правительственные репрессии: четыре непосредственных участника событий были казнены 16 апреля 1847 г., многие другие приговорены к каторге.

¹⁵ «Le National» («Национальная газета») – французская ежедневная газета, выходила в Париже с 1830 по 1851 год; орган умеренных, буржуазных, республиканцев. Наиболее видными представителями этого направления в составе временного правительства были Марраст, Бастид и Гарнье-Пажес.

своему положению и своим взглядам этот представитель февральской революции принадлежал к *буржуазии*.

Если Париж благодаря политической централизации господствует над Францией, то рабочие в моменты революционных потрясений господствуют над Парижем. Первым шагом временного правительства была попытка избавиться от этого подавляющего влияния путем апелляции от опьяненного победой Парижа к трезвой Франции. Ламартии оспаривал у бойцов баррикад право провозгласить республику. Это, говорил он, может сделать лишь большинство французской нации, надо выждать ее голосования, парижский пролетариат не должен запятнать свою победу узурпацией. Буржуазия разрешает пролетариату только *одну* узурпацию – узурпацию борьбы.

В полдень 25 февраля республика еще не была провозглашена, зато все министерские портфели были уже распределены как между буржуазными элементами временного правительства, так и между генералами, банкирами и адвокатами, группировавшимися вокруг «National». Но рабочие решили не допускать на этот раз такого надувательства, как в июле 1830 года. Они готовы были возобновить борьбу и добиться республики силой оружия. Чтобы заявить об этом, *Распайль* отправился в ратушу. От имени парижского пролетариата он приказал временному правительству провозгласить республику; если это повеление народа не будет выполнено в течение двух часов, то он вернется во главе 200000 человек. Тела павших борцов еще не успели остыть, баррикады еще не были убраны, рабочие еще не были разоружены, и единственной силой, которую можно было им противопоставить, была национальная гвардия. При этих обстоятельствах сразу исчезли соображения государственной мудрости и юридическая щепетильность временного правительства. Еще до истечения двухчасового срока на всех стенах Парижа красовались исторические исполинские слова:

Republique francaise! Liberte, Egalite, Fraternite! ¹⁶

С провозглашением республики на основе всеобщего избирательного права исчезло и самое воспоминание о тех ограниченных целях и мотивах, которые толкнули буржуазию на февральскую революцию. Вместо немногих отдельных фракции буржуазии все классы французского общества вдруг были привлечены к участию в политической власти, принуждены были оставить логи, партер и галерею и выйти на революционную сцену в качестве действующих лиц. Вместе с конституционной монархией исчезла и кажущаяся независимость государства, противопоставляющего себя буржуазному обществу, а с ней исчезли и все второстепенные столкновения, вызываемые этой фикцией!

Заставив временное правительство, а через его посредство всю Францию, принять республику, пролетариат сразу выступил на первый план как самостоятельная партия, но в то же время он вызвал на борьбу с собой всю буржуазную Францию. Он завоевал только почву для борьбы за свое революционное освобождение, а отнюдь не само это освобождение.

Напротив, февральская республика прежде всего должна была *сделать более полным господство буржуазии*: благодаря ей рядом с финансовой аристократией *все имущие классы* получили доступ к политической власти. Республика извлекла большинство крупных землевладельцев, легитимистов, из того состояния политического ничтожества, на которое их осудила Июльская монархия. Недаром «Gazette de France»¹⁷ агитировала заодно с газетами оппозиции, недаром Ларошжаклен на заседании палаты депутатов 24 февраля объявил себя сторонником революции. Всеобщее избирательное право отдало судьбу Франции в руки номинальных собственников, составляющих громадное большинство французского

¹⁶ Французская республика! Свобода, Равенство, Братство! Ред.

¹⁷ «La Gazette de France» («Газета Франции») – ежедневная газета, выходила в Париже с 1631 г., в 40-х годах XIX в. орган легитимистов, сторонников реставрации династии Бурбонов.

народа, – в руки *крестьян*. Разбив корону, за которой прятался капитал, февральская республика привела, наконец, к открытому господству буржуазии.

Подобно тому как в июльские дни рабочие завоевали *буржуазную монархию*, так в февральские дни они завоевали *буржуазную республику*. Подобно тому как Июльская монархия принуждена была объявить себя *монархией, обставленной республиканскими учреждениями*, так февральская республика принуждена была объявить себя *республикой, обставленной социальными учреждениями*. Парижский пролетариат *вырвал* и эту уступку.

Марш, рабочий, продиктовал декрет, в котором только что образованное временное правительство обязывалось обеспечить рабочим их существование трудом, дать работу всем гражданам и так далее. Когда же через несколько дней оно забыло свои обещания и, казалось, совсем упустило из виду пролетариат, толпа в 20000 рабочих двинулась к ратуше с криками: *Организация труда! Образование особого министерства труда!* Против воли, после долгих прений временное правительство назначило специальную постоянную комиссию с поручением *изыскать* средства к улучшению положения рабочих классов. Эта комиссия была образована из делегатов парижских ремесленных корпораций под председательством Луи Блана и Альбера. Ей для заседаний был отведен Люксембургский дворец. Так представители рабочего класса были изгнаны из здания, где заседало временное правительство, и буржуазная часть последнего удержала исключительно в своих руках действительную государственную власть и бразды правления. *Рядом* с министерствами финансов, торговли, общественных работ, *рядом* с банком и биржей воздвигалась *социалистическая синагога*, первосвященники которой, Луи Блан и Альбер, имели своей задачей открыть обетованную землю, возвестить новое евангелие и дать работу парижскому пролетариату. В отличие от всякой мирской государственной власти они не располагали никаким бюджетом, никакой исполнительной властью. Они должны были своим собственным лбом разбить устои буржуазного строя. В то время как в Люксембургском дворце занимались изысканием философского камня, в ратуше чеканили имевшую хождение монету.

И, однако, нужно сказать, что требования парижского пролетариата, поскольку они выходили за пределы буржуазной республики, действительно не могли реализоваться иначе, как в туманной форме Люксембургской комиссии.

Рабочие сделали февральскую революцию совместно с буржуазией; теперь они старались отстоять свои интересы *рядом* с буржуазией, ведь посадили же они в самом временном правительстве рядом с буржуазным большинством одного рабочего. *Организация труда!* Но наемный труд – это и есть уже существующая буржуазная организация труда. Без него нет капитала, нет буржуазии, нет буржуазного общества. *Особое министерство труда!* Но разве министерства финансов, торговли, общественных работ не являются *буржуазными* министерствами труда? *Рядом* с ними *пролетарское* министерство труда могло быть только министерством бессилия, министерством благих пожеланий, Люксембургской комиссией. Веря в возможность своего освобождения бок о бок с буржуазией, рабочие надеялись также осуществить свою пролетарскую революцию в национальных границах Франции, бок о бок с прочими буржуазными нациями. Но производственные отношения Франции обуславливаются ее внешней торговлей, ее положением на мировом рынке и законами этого рынка. Разве Франция могла бы их сломать, не вызвав европейской революционной войны, которая в свою очередь оказала бы сильное воздействие на Англию, этого деспота мирового рынка?

Если восстает класс, в котором сосредоточиваются революционные интересы общества, то он находит непосредственно в своем собственном положении содержание и материал для своей революционной деятельности: он уничтожает врагов, принимает меры, диктуемые потребностями борьбы, а последствия его собственных действий толкают его дальше. Он не предается умозрительным изысканиям относительно своих собственных

задач. Французский рабочий класс не находился в таком положении, он еще не был способен осуществить свою собственную революцию.

Вообще развитие промышленного пролетариата обусловлено развитием промышленной буржуазии. Лишь при ее господстве приобретает он широкое национальное существование, способное поднять его революцию до общенациональной, лишь при ее господстве он создает современные средства производства, служащие в то же время средствами его революционного освобождения. Лишь ее господство вырывает материальные корни феодального общества и выравнивает почву, на которой единственно возможна пролетарская революция. Французская промышленность – самая развитая, а французская буржуазия – самая революционная на всем континенте. Но разве февральская революция не была направлена непосредственно против финансовой аристократии? Факт этот показывал, что промышленная буржуазия не господствовала во Франции. Господство промышленной буржуазии возможно лишь там, где современная промышленность преобразовала по-своему все отношения собственности; а этой степени могущества промышленность может достигнуть лишь тогда, когда она завоевала мировой рынок, так как национальные границы недостаточны для ее развития. Французская же промышленность даже внутренний рынок удерживает за собой в значительной мере только благодаря более или менее модифицированной системе запретительных пошлин. Поэтому, если французский пролетариат в момент революции обладает в Париже фактической силой и влиянием, толкающими его дальше, чем это соответствует его средствам, то в остальной Франции, будучи сосредоточен лишь в отдельных, разбросанных промышленных центрах, он почти исчезает в подавляющей массе крестьянства и мелкой буржуазии. Борьба против капитала в ее развитой, современной форме, в ее кульминационной фазе, борьба промышленного наемного рабочего против промышленного буржуа, является во Франции не повсеместным фактом. После февральских дней она тем менее могла служить общенациональным содержанием революции, что борьба против второстепенных способов капиталистической эксплуатации – борьба крестьянина против ростовщичества и ипотеки, борьба мелкого буржуа против крупного торговца, банкира и фабриканта, одним словом, против банкротства – была еще скрыта под оболочкой общего восстания против финансовой аристократии. Неудивительно поэтому, что парижский пролетариат старался отстаивать свои интересы *наряду* с буржуазными интересами вместо того, чтобы выдвигать их в качестве революционного интереса самого общества; неудивительно, что он склонил *красное* знамя перед *трехцветным*.¹⁸ Французские рабочие не могли двинуться ни на шаг вперед, не могли ни на волос затронуть буржуазный строй, пока ход революции не поднял против него, против господства капитала, стоящую между пролетариатом и буржуазией массу нации, крестьян и мелких буржуа, и не заставил их примкнуть к пролетариям как к своим передовым борцам. Только ценой страшного июньского поражения рабочие могли купить эту победу.

За Люксембургской комиссией, этим созданием парижских рабочих, останется та заслуга, что она с высоты европейской трибуны раскрыла тайну революции XIX века: *освобождение пролетариата*. «Moniteur»¹⁹ краснел, когда ему приходилось официально про-

¹⁸ В первые дни существования временного правительства встал вопрос о выборе государственного знамени Французской республики. Революционные рабочие Парижа требовали объявить государственным знаменем красное знамя, которое было поднято в рабочих предместьях Парижа во время июньского восстания 1832 года. Представители буржуазии настаивали на трехцветном (сине-бело-красном) знамени, которое было знаменем Франции в период буржуазной революции конца XVIII в. и империи Наполеона I. Это знамя еще до революции 1848 г. было эмблемой буржуазных республиканцев, группировавшихся вокруг газеты «National». Представители рабочих были вынуждены согласиться на то, чтобы государственным знаменем Французской республики объявили трехцветное знамя. Однако к древку знамени прикреплялась красная розетка.

¹⁹ «Le Moniteur universel» («Всеобщий вестник») – французская ежедневная газета, официальный правительственный орган, под данным названием выходила в Париже с 1789 до 1869 года. На страницах «Moniteur universel» в обязательном

пагандировать «дикие бредни», до тех пор погребенные в апокрифических сочинениях социалистов и лишь время от времени доносившиеся до слуха буржуазии в виде каких-то отдаленных легенд, отчасти страшных, отчасти смешных. Изумленная Европа внезапно очнулась от своей буржуазной полудремоты. Итак, в представлении пролетариев, которые смешивали финансовую аристократию с буржуазией вообще; в воображении республиканских простаков, которые отрицали само существование классов или в лучшем случае считали их следствием конституционной монархии; в лицемерных фразах тех слоев буржуазии, которые до тех пор были отстранены от власти, – *господство буржуазии* было устранено вместе с введением республики. Все роялисты превратились тогда в республиканцев, все парижские миллионеры – в рабочих. Фразой, соответствовавшей этому воображаемому уничтожению классовых отношений, было *fraternite* – всеобщее братание и братство. Это идиллическое отвлечение от классовых противоречий, это сентиментальное примирение противоположных классовых интересов, это мечтательное стремление возвыситься над классовой борьбой, одним словом, *fraternifce* – вот что было истинным лозунгом февральской революции. Лишь простое *недоразумение* раскололо общество на классы, и 24 февраля Ламартин окрестил временное правительство «*un gouvernement qui suspende ce malentendu terrible qui existe entre les differentes classes*».²⁰ Парижский пролетариат упивался этим великодушным порывом всеобщего братства.

Со своей стороны, временное правительство, раз уж оно было вынуждено провозгласить республику, всеми силами старалось сделать ее приемлемой для буржуазии и для провинций. Оно отреклось от кровавого террора первой французской республики, отменив смертную казнь за политические преступления; в печати можно было свободно отстаивать все взгляды; армия, суд, администрация, за немногими исключениями, остались в руках старых сановников; ни один из крупных преступников Июльской монархии не был привлечен к ответу. Буржуазные республиканцы «National» забавлялись тем, что меняли монархические имена и костюмы на старореспубликанские. Для них республика была лишь новым бальным нарядом для старого буржуазного общества. Свое призвание молодая республика усматривала в том, чтобы никого не пугать, а, напротив, самой всего пугаться и мягкой податливостью и непротивлением отстаивать свое существование и обезоруживать врагов. Привилегированным классам внутри страны и деспотическим державам вовне было громко заявлено, что республика, дескать, настроена миролюбиво: живи и жить давай другим – таков-де ее лозунг. Как раз в это время, немедленно вслед за февральской революцией, восстали немцы, поляки, австрийцы, венгры, итальянцы – каждый народ сообразно с особыми условиями своего положения. Россия и Англия – последняя сама захваченная движением, первая запуганная им – были застигнуты врасплох. Таким образом, республика не встретила на своем пути ни одного *общенационального* врага. Не оказалось, следовательно, тех крупных внешних осложнений, которые могли бы воспламенить энергию, ускорить революционный процесс, толкнуть вперед временное правительство или выбросить его за борт. Парижский пролетариат, который видел в республике свое собственное детище, приветствовал, разумеется, всякий шаг временного правительства, помогавший последнему укрепить свое положение, в буржуазном обществе. Он охотно оказывал Коссидьеру полицейские услуги по охране собственности в Париже и предоставлял Луи Блану улаживать споры между рабочими и хозяевами по поводу заработной платы. Он считал *point d'honneur*²¹ для себя сохранить незапятнанной в глазах Европы буржуазную честь республики.

порядке печатались правительственные акты, парламентские отчеты и другие официальные материалы; в 1848 г. в газете печатались и отчеты о заседаниях Люксембургской комиссии.

²⁰ «правительством, которое должно уладить страшное недоразумение, существующее между различными классами». Ред.

²¹ вопросом чести. Ред.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.